

Маэстро

Валерию Николаевичу Галендееву – 60!

Татьяна Рассказова

Когда я пришла в институт, Валерию Николаевичу было тридцать с небольшим, довольно молодой человек, но было ощущение, что он просто "Профессор Профессорович". Боялись его жутко. Теперь он стал намного добрее, менее жестким и, кажется, более молодым, чем тогда.

Во время учебы Валерий Николаевич категорически запрещал нам курить. Но, несмотря на это, мы все тайно курили со страшной силой. Однажды мы отмечали Пасху. Тихонько стоим на лестнице, вдруг выходит Валерий Николаевич, и я в ужасе засовываю горящую сигарету в карман своего платья. Так, хохоча над его шутками, я простояла минут пять как Зоя Космодемьянская. В кармане выгорела огромная дырка, даже был ожог на ноге.

Он мне все время говорил в студенческие годы: "ты куришь, ты куришь..." – "Валерий Николаевич, не курю". И только, по-моему, на четвертом курсе я ему призналась. На что он мне сказал: "я ведь тебе тогда поверил". "Видите, значит, неплохо научили, значит, хорошая артистка, если я вас убедил". "А я думал, что же такое у бедной девочки со связками..."

Мне всегда нравилось заниматься сценической речью, несмотря на то, что у меня был говор, и Валерий Николаевич с ним беспощадно боролся. По-моему, на первом курсе, сдав экзамен по сценической речи, я бегу по коридору и встречаю Галендеева, спрашиваю у него: "Валерий Николаевич, что у меня по сценической речи?" – "Теперь четверка. Таня, боритесь с говором". Потом я все-таки заслужила пятерку.

Валерий Николаевич человек с феерическим юмором, но в мои студенческие годы его юмор был просто убийным. Он мог так припечатать, что все вокруг будут хохотать, а ты готов сквозь землю провалиться. На одном из занятий он сказал моей однокурснице: "Вы двигаетесь, как первый советский танк по бездорожью". С юмором. Безусловно! Но когда тебе семнадцать лет, и ты тоненькая, грациозная красавица, как тебе кажется, а тебя... Жестко и убийно.

У меня сохранились институтские тетрадки – конспекты. Если по этим записям создать "систему Галендеева" за семьдесят девятый – восемьдесят третий год и сравнить ее с сегодняшним днем, то сейчас совершенно другой педагог, он вырос на несколько порядков.

Это большая человеческая и профессиональная удача встретить такого Учителя, как Валерий Николаевич. Потому что испортить человеку жизнь дурным профессиональным обучением легче простого. А так как Валерий Николаевич сопровождает нас и в театре, то нам повезло вдвойне. Он учит нас и учится сам.

Петр Семак

О Валерии Николаевиче я могу говорить долго, часами: за четверть века скопилась масса баек, сюжетов, поэтому только несколько эпизодов наудачу.

У нас длинная история отношений. Когда я поступил в институт, Валерий Николаевич сказал Аркадию Иосифовичу Кацману: "Этого хохла я никогда не научу говорить по-русски". Он не ставил мне зачет по сценречи семестра два или три, и соответственно я не получал стипендии. Но ведь добился своего: от акцента я избавился.

Мой однокурсник Коля Павлов в студенческом спектакле "Братья Карамазовы" играл две роли – Смердякова и Великого Инквизитора. К монологу Великого Инквизитора "зачем ты пришел нам мешать?..." Коля готовился очень серьезно, и попросил Валерия Николаевича послушать его до того, как это будет показано мастерам, Кацману, Додину. Я был на этой репетиции. Коля очень хорошо читал. И Галендеев ему сказал: "Все замечательно, логично, акценты расставлены верно, ударения в словах поставлены правильно, все это очень мощно. Но, Коля, теперь ведь надо излучать"... И вот это "излучать" я запомнил на всю жизнь. Это и есть по систе-

Желчный Мариенгоф очень подробно описывал, как Качалов, готовясь идти на свидание со Станиславским, несколько раз менял галстуки. И потом вопрошал: как же можно, зная человека тридцать лет, самому будучи Качаловым, так волноваться? Кто же этот КС – Бог театра? Когда идешь с Валерием Николаевичем Галендеевым после спектакля по коридорам МДТ и видишь, как заслуженные и народные артисты краснеют от удовольствия после его похвалы или бледнеют от замечаний (всегда язвительных и очень точных), думаешь: как же за четверть века изо дня в день общаясь с этим человеком, они сохраняют нежность и трепет, когда его беглое слово куда важнее всех газетных статей и дифирамбов? А через пару лет знакомства я вдруг поняла, что всерьез размышляю о том или ином своем тексте: а что бы сказал Валерий Николаевич?

Счастливым человеком – экземпляром в театральном мире практически не встречающийся. Жизни мышья беготня, погоня за успехом, постоянная оглядка по сторонам – все это сильно мешают радости существования. Но в неторопливой повадке этого серьезного человека радость действует и привлекает неотразимо. Учитель от Бога. Волшебник сценической речи, чьих учеников, действительно, слышно на всех сценах мира. Автор одного из самых значительных исследований современного театра – книги "Лев Додин. Метод и школа". Талант, ум, обаяние, сила, мастерство – все при нем. Но вне и помимо живет в нем еще и главное – радость большого человека занятого делом большим, чем он сам – Малым Драматическим театром – Театром Европы. Каждый день он приходит на улицу Рубинштейна проводить разминку перед спектаклем (или остается на разминку после дневных репетиций). А потом идет в зрительный зал и в сотый раз смотрит спектакль, чтобы затем, пройдя по коридорам, небрежно бросить на ходу: сегоднечка лучше, только, Бога ради, – осторожнее с шипящими!

Ольга ЕГОШИНА

велишь, все сделаю..." Он купил картошки, морковки, вынес мусорное ведро, позвонил в дверь... "Морковку купил, картошку купил, мусорное ведро вынес". Лена: "Аааа, Валерий Николаевич, что же вы не признались, что это были вы".

Наконец, еще один эпизод. За который особенно благодарен. После премьеры "Бесов" в Питере в театре было ощущение провала. Готовили спектакль три года – и мертвый зрительный зал... Лев Абрамович сухо всех поздравил с премьерой и быстро исчез. Кажется, даже банкета не было. Разошлись по домам, состояние – понятно какое. А уж у меня – Ставрогина особенно. Так ночью Валерий Николаевич обзвонил почти всех, нашел слова, а главное, было понятно, что он верит в нас и в спектакль. И после разговора с ним я поверил, что могу играть Ставрогина, что спектакль еще получится. И вот уже 15-летний юбилей "Бесов" отметили...

Ирина Тычинина

Во время учебы отношения с Валерием Николаевичем принимали разный характер. Я была одной из самых бестолковых учениц по речи, сильно мешал уральский говор. Валерий Николаевич до сих пор иногда мне делает замечания – когда я боюсь или когда встречаются незнакомые слова, которые не наговорены в спектакле, я моментально превращаю их в говор.

Когда мы репетировали "Старика", у меня был трудный период в жизни, какой-то психологический слом. После одной репетиции на сцене Галендеев сказал: "Ира, после такого прогона, я бы дал вам роль шестой казачки в сцене, которая не вошла в спектакль". Он мог иногда так "добить". Так полусушня-полусерьезно.

Во время выпуска "Старика" Валерий Николаевич присутствовал на каждой репетиции. Подходить к каждому и делать замечания он не мог, времени было очень мало. Поэтому он писал бумажки, на которых были указаны невнятные слова, измененные до смешного – "бабачки" вместо "собачки" и т.п., а потом их раздавал. Я сама не раз слышала из зала, как некоторые слова у актеров превращаются в совершенно немислимые, неузнаваемые. Это бывает забавным. Так, на одном из занятий по сценической речи Валерий Николаевич сделал замечание моей однокурснице: "Юля, почему у вас в слове будильник вместо "б" – "м"?"

Разминки Валерия Николаевича – это скорее разминка психофизики, чем разминание будущего спектакля. Если он чувствует, что я пришла заторможенной, не собранной, или где-то витаю, он начинает меня подкалывать и как-то задевать, чтобы вытащить меня из этого состояния.

У меня недавно был срочный ввод в "Дядю Ваню", на роль Елены Андреевны, и я решила посоветоваться с Валерием Николаевичем. К тому моменту я уже ушла в воображении в свою Елену Андреевну и запуталась там окончательно. Валерий Николаевич сказал мне: "Все так, как ты себе надумала, но только с таким поворотом..." Когда наш разговор закончился, он произнес: "правильно", по моим глазам в ту минуту он понял, что я услышала его, что пока мы с ним разговаривали – я менялась. И эта его уверенность, что я смогу, придала мне сразу спокойствия.

Игорь Иванов

В моей жизни было три главных учителя – Аркадий Иосифович Кацман, Лев Абрамович Додин и Валерий Николаевич Галендеев. С Валерием Николаевичем мы знакомы уже тридцать один год, и все это время он предъявлял ко мне высокие требования, постоянно терпел меня. Поначалу мне казалось, что он просто придирался, не любил меня. Но как потом оказалось, все это шло только на пользу.

Со временем мы сблизились с ним человечески. К нему иногда можно прийти, и, вникнув в суть, он поможет, подскажет какую-то точную мысль, движение.

Он многое понимает про жизнь, про мироустройство, потрясаясь умеет анализировать. Его вездливое желание докопаться до самой человеческой сути – редкое, в общем, умение.

Я благодарен ему за спектакль "Ис-

ме Станиславского сверх-сверхзадача для актера – "излучать". У Коли с Валерием Николаевичем были похожие голоса (такие роскошные басы), по телефону их часто путали. Как-то у Коли был день рождения, и Валерий Николаевич решил узнать, не нужно ли чего-нибудь купить к столу. Он звонит, берет

трубку Колина жена. Галендеев: "Леночка..." И тут же слышит в ответ: "Где ты, паразит, ходишь?! У меня этого нет, того нет, морковки не купила, картошки не купила!!! Еще я поставлю ведро с мусором у дверей, вынеси". Валерий Николаевич не стал ее разочаровывать: "Хорошо, Леночка, я все выполню, как ты

Зритель и сцена